

ЭЛЬМИРА КАЙЫШ

ЗА ДВЕРЯМИ СТАМБУЛА

Эльмира Кайыш
За дверями Стамбула

«Издательские решения»

Кайыш Э.

За дверями Стамбула / Э. Кайыш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506109-6

Я люблю проводить время в одном стамбульском ресторане, расположенном на берегу Босфорского пролива, в районе под названием Ортакей. Ароматный воздух с неизменными нотками пряностей, горячий турецкий кофе, запах свежей выпечки и морской соли; легкий бриз мягко сдувает жару уходящего дня. Я жду, когда наступит закат (уже скоро!), который багровыми и золотыми красками заиграет на куполах мечети, зальет огненными бликами морскую гладь...

ISBN 978-5-00-506109-6

© Кайыш Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Стамбул, я твоя гостья	6
Глава 2. Стамбул, я твоя иностранка	15
Глава 3. Стамбул, я твоя квартирантка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

За дверями Стамбула

Эльмира Кайыш

© Эльмира Кайыш, 2019

ISBN 978-5-0050-6109-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Стамбул, я твоя гостья

Город был в объятиях капризной зимней погоды, которая играла с ним, то лаская солнечным теплом, то наказывая пробирающим до костей холодом: задувала улочки пронизывающим морским ветром с дождем, заставляла прохожих прятаться под не привычные пуховики и шали. Она безжалостно меняла тщательно выстроенные планы: загоняла в торговые центры желавших прогуляться, наполняла транспортные реки пассажирами и машинами, которые в дождливые дни образовывали собственные «запруды», создавая сеть непроходимых стамбульских пробок. Местные жители в такие дни грелись горячим салепом¹, приготовленным на молоке и обильно посыпанным ароматной корицей, турецким кофе², сваренном в турке на открытом огне или традиционно- на углях. Спасались от хандры встречами в ресторанах и беседами, без конца прибирали обустривали свои дома, создавая тепло и уют там, куда стихии было не добраться.

Один – два раза за три месяца царствования зимы дороги обязательно заметало мокрым снегом; закрывались школы, и дети, окрыленные внезапными выходными, бежали на улицу лепить и играть в снежки, строить крепости, лепить круглобоких баб. Взрослые не отставали от них по мере возможности, устраивали на всех доступных возвышенностях ледяные горки и бесстрашно скатывались с них: кто-то на санках, кто-то стоя, а кто-то – просто подложи в под себя обычный пластиковый пакет, и улицы наполнялись радостным шумом и весельем.

¹ *Традиционный согревающий турецкий напиток из порошка, приготовленного из высушенных корней горных орхидей двух сортов (*Orchismascula* и *Orchismilitaris*). Продается в основном уличными торговцами; очень популярен на горнолыжных курортах.

² **Кофе по-турецки (турецкий кофе) – кофе очень мелкого помола, варится в турке (джезве) на раскаленном песке, подается в маленьких фарфоровых чашках, обязательно с добавлением сахара.

В один из таких насыщенных зимних стамбульских дней Анна выбрала столик на террасе ближайшего к офису компании кафе, чтобы пообедать. Место было укромное, скрытое деревом и зданиями, окружающими маленький дворик. По всему периметру стены были покрыты голыми, похожими на прутьики, плетями, потерявшего листву дикого винограда, который летом буйствовал, покрывая пышной зеленью все доступные вертикальные поверхности. Стараясь согреть замерзшие руки, Анна крепко обхватила ладонями картонный стаканчик с латте, не решаясь пока попробовать ароматный напиток из опасения обжечь язык и губы. На улице было холодно, поэтому никто из коллег не вышел посидеть с ней за компанию – прихотливая стамбульская зима, еще вчера щедро одарившая город почти летним теплом, сегодня накрыла его ледяным ветром, пронизывавшим насквозь.

Анна покрепче закуталась в длинный зеленый шарф, связанный заботливыми руками ее татарской бабушки, и поджала под себя ноги. Шарф хорошо грел шею и плечи, зато ее короткое клетчатое пальто, открывавшее стройные бедра, заставляло нещадно мерзнуть ноги, прикрытые хлопчатобумажной тканью темно-бордовых джинсов, которые явно не были рассчитаны на подобную погоду.

Впрочем, ей, привыкшей к русской зиме, южная стамбульская зима в любом случае нипочем.

Интересно, чем сейчас занята бабушка? Наверное, мирно сидит у окна, вяжет носочки или вареники, чтобы разослать внукам. За стенами избы завывает холодная выюга, о которой так любил писать Пушкин, а в доме пахнет деревом и сухим мхом, заполняющим щели между бревен. Теплый и невозможно аппетитный аромат свежего домашнего хлеба, остывающего на перине, застеленной свежими льняными полотенцами, дополняет картину уюта. В печке потрескивают дрова, рядом на диване мурлычет кот. Время словно остановилось в этом другом мире, далеком от шума крупных городов, незнакомым суетой многочисленных мегаполисов. В такой тишине очень четко слышны даже самые негромкие звуки, и многие горожане, привыкшие к вечной многоголосой какофонии городского шума, оказавшись здесь, будут неуютно себя чувствовать от самого незначительного шума. Будь это скрип или шум деревьев за окном, лай дворового пса или громкий стук тяжелой двери захлопнувшейся на другом конце деревни.

От воспоминаний у Анны на глаза невольно навернулись слезы, но губы потянулись в нежной улыбке. Она все свое детство провела у бабушки, и ей все там казалось чистым и благородным, даже самая обычная дорожная грязь. Еда была самой вкусной, люди самыми добрыми и душевными. Она еще тогда знала, что там всеотличается от городов, переполненных людьми. Место, где словно бы остановилось время: летом там становилось жарко, зелено, и начинались обычные работы в поле и садах, посиделки допоздна на теплой лавочке у забора, бег по траве босыми ногами; зимой же крепкий мороз разгонял всех по домам, но не давал покоя, заставляя то топить печи, то расчищать снег, выпавший за ночь. В короткие зимние дни, когда на небе не было туч, солнце, отражаясь от твердой корки на поверхности сугробов, заглядывало в многочисленные окна, образуя внутри домов невероятные переплетения света и тени.

Здесь, на тесных улицах Стамбула, солнечный свет редко попадает в окна: его перекрывают стены соседних домов, которые могут располагаться на расстоянии всего каких-нибудь двух метров друг от друга. Когда-нибудь в будущем Анна тоже хотела бы иметь свой дом с небольшим садом, только вместо снежных северных морозов и зимы по полгода ей мечталось о легком морском ветерке и недолгой дождливой южной зиме.

Обогреватели, стоявшие на террасе, помогли ей согреться и расслабиться, но руки все еще немного мерзли, и Анна продолжала крепко сжимать тонкими пальцами стаканчик с кофе. Воспоминания никак не оставляли в покое, заставляя постоянно сравнивать настоящее с прошлым. Линия взлетной полосы в аэропорту словно разделила жизнь на две части: до и после. Переезд поменял «здесь» на «там», и «там» на «здесь», и это временами немного сводило с ума.

В такие моменты ее руки сами собой тянулись к телефону, который был лучшим другом на протяжении всего дня. Вот и сейчас Анна, едва отпустив стаканчик с кофе, сразу же активировала смартфон и зависла в соцсетях, медленно прихлебывая остывший латте, пока за соседним столиком не обосновалась веселая парочка. Парень и девушка шумно говорили по-турецки, смеялись и, казалось, немного флиртовали. Девушка была закутана в огромную серо-белую шаль поверх пончо черного цвета. У нее были темные прямые волосы, в меру полные губы, накрашенные яркой вишневой помадой. Высокого роста, с большими темными глазами и европейским овалом лица, она была полной противоположностью Анне, у которой были волнистые, светло-рыжие легкие волосы, собранные в небрежный пучок и выбивавшиеся из него во все стороны. Ее ярко-зеленые глаза, цвет которых она умела и любила подчеркивать, нежно-розовые губы, высокие скулы и небольшой рост были в диковинку для местных, привлекали к себе внимание и выдавали татарское происхождение – для понимающих людей, разумеется.

Окончив университет по специальности архитектора и недолго проработав в России по основной профессии, она уже второй год жила в Стамбуле; недавно ей исполнилось двадцать семь лет. Этот город был полной противоположностью ее родной Казани, который насчитывал численность населения чуть больше миллиона человек. Крупный мегаполис, переполненный людьми, как местными, так и иностранцами, приехавшими сюда с самыми разными целями, от поисков работы до туризма, И без того пестрый Стамбул стремительно менялся каждый день: что-то сносилось, что-то строилось на месте того, что сносилось, с яростным грохотом ремонтировались дороги, возводились новые мосты, тоннели для метро, автомобильные стоянки, жилые комплексы, отели, торговые центры. Переменам в архитектуре соответствовала переменчивость погоды; казалось, не менялось только количество людей и их занятость. Приехав по приглашению, Анна с первого же дня вышла на работу и редко выбиралась на прогулки, чтобы полюбоваться Босфором и посетить другие популярные места. Несмотря на то что офис компании находился почти в центре, постоянная работа до восьми, девяти вечера содним выходным в неделю не давала ей тех привилегий, которыми обладали люди, посещавшие в Стамбул в качестве туристов.

Лишь изредка ей удавалось немного пройтись по Нишанташи – роскошному, многолюдному, честолюбивому району европейского Стамбула.

Чаще всего она оказывалась среди тех, кто шел утром на работу по улицам Румели и Тешвикие, и часто натывалась в толпе на людей с каменными лицами – обычно это были карьеристы, не видящие никого вокруг себя и любой ценой желающие обогнать всех остальных. Тут всегда бурлила жизнь: привлеченный возможностью хорошо заработать в престижном районе, народ слетается сюда, как пчелы на нектар – даже высокие налоги, дорогие парковки и жилье не пугали. Поток всевозможных менеджеров разных рангов, специалистов, официантов, горничных и прочей рабочей силы, несущийся в вечном страхе за рабочие места, сталкивался с медленно текущим потоком туристов. Последние прогуливались по бутикам, густо посаженным вдоль главных улиц, которые в свою очередь звенели от многочисленных сигнальных гудков намертво застывших в пробках автомобилей.

Начиная со станции метро Османбей и дальше, по направлению к улице Абди-Ипекчи, цены в магазинах начинали расти в геометрической прогрессии, и количество прохожих и машин понемногу уменьшалось, зато количество очень привлекательных внешне и крайне дорогих для кошелька апартаментов, расположенных в зданиях, принадлежащих к шедеврам архитектурного и исторического наследия, стремительно увеличивалось.

Когда-то давно на этих, ныне застроенных дворцами, гостиницами, ресторанами и бутиками, холмах охотились молодые шехзаде³, потом сюда начали переселяться известные поэты

³ *Принцы; шехзаде – официальный титул сыновей султана в Османской империи.

и художники, приближенные к правящей династии, а после революции – элита и буржуазия. В наши дни, если верить слухам, здесь живут самые богатые люди Стамбула и его гости, популярные деятели искусства и шоу бизнеса.

Анна уже знала, что ухоженные шикарные улицы богатых кварталов Стамбула частенько идут бок о бок с неопрятными улочками бедных районов, заполненных мелкими оптовыми магазинчиками, цыганами ине слишком благопристойными заведениями— ведь тем, кто обеспечен, нужны те, кто будет убирать за ними, готовить еду, следить за детьми. Вечерами даже на самых престижных улицах можно было заметить смуглых мужчин, а иногда и крепких жилистых женщин, волочащих за собой огромные, в полтора человеческого роста, пластиковые мешки на колесах. Вэти мешки они складывали мусор, который можно переработать, и потом сдавали его специальные приемные, получая за это скудную выручку. Цыганки в пестрых юбках ошивались поблизости таких районов с утра и до позднего вечера: в основном продавали цветы, расставляя их прямо на тротуарах, в то время как их дети предлагали туристам салфетки и скверно играли на маленьких гармошках в надежде выпросить подавание.

С минарета главной мечетиТешвикие, как положено, пять раз за сутки звучал азан⁴, но, к удивлению Анны, большинство людей его практически не замечало. Все, даже те, кто оказывался совсем близко, делали вид, что не слышат пронзительного голоса муэдзина, при том что бесчисленные рестораны Нишанташи с утра до вечера были заполнены мирно беседующими людьми, у которых словно не было никакой необходимости куда-то спешить и тем более где-то работать.

Надо сказать, что девушке, впервые оказавшейся в другой стране, да еще с совершенно незнакомой для нее культурой, традициями и образом жизни, чужой речью, проще было молча наблюдать за окружающей ее бурлящей жизнью, чем участвовать в ней. Анна ужасно боялась ошибиться, перепутав слова, или, тем более, случайно кого-то обидеть. Поэтому она сблизилась с новой для нее средой осторожно и постепенно.

Впрочем, Стамбул был гостеприимным городом и по-своему помогал ей: то подсказками прохожих, то добрыми советами соседей, то поддержкой коллег по работе, благодаря чему уже через год вдруг оказалось, что язык практически усвоен, появились новые друзья среди местных, и, самое главное, намечается переход на следующую карьерную ступеньку.

Однако личная жизнь по-прежнему ограничивалась редкими вылазками в рестораны и бары с местными подругами и безобидными флиртами – слишком сильно было ее недоверие к противоположному полу. Тем более что все друзья Анны, и турецкие, и российские, как назло терпели поражения в личных отношениях один за другим: почти никто из ее знакомых не имел семьи, и тем более детей, а те, кто имели, сдабривали счастливыми фотографиями нескончаемые жалобы на быт и выражали острое желание хоть на недельку сбежать на какой-нибудь комфортабельный необитаемый остров.

Несколько лет назад, еще в России, у Анны были довольно длительные отношения с молодым человеком, которые держались на его страстной влюбленности в нее и ее дружеской привязанности к нему. Возможно, однажды они могли бы перерасти в настоящую любовь, на основе которой люди обычно и создают семью, но этого не случилось; напротив, со временем, в силу разных обстоятельств, а главное – разных жизненных целей у них обоих, все закончилось разрывом, потому что в двадцать четыре года невозможно сохранить покой в душе, не испытывая настоящего увлечения каким-нибудь делом или человеком.

Вот так и вышло, что после трех лет, которые были похожи на затянутый ряской старый пруд, ей захотелось перемен, и, мечтая втайне от самой себя о любви безумной, горячей

⁴ Призыв к обязательной в исламе молитве.

и страстной, она решила, что отпуск в тихом, уютном четырехзвездочном отеле на берегу моря даст ей возможность спокойно отдохнуть и подумать над произошедшим.

Анна планировала поехать в Анталию в одиночку, но, посмотрев на вечно усталую маму, решила, что с ее стороны это будет слишком эгоистично, что нужно поехать вдвоем и непременно взять номер с заманчивой опцией «все включено», чтобы побаловать себя разнообразными удовольствиями, например, экзотическими турецкими банями – хаммамами, о которых подружки упоминали с огоньком во взгляде, советуя обязательно их посетить.

Первый же день пребывания на зарубежном курорте убедил, что их с мамой ждет великолепный и незабываемый отдых. Две одинокие женщины, приехавшие из далекой России, пользовались вниманием всего обслуживающего персонала; казалось, каждый портье и официант стремился им угодить.

Два дня они наслаждались разнообразными вкусными восточными блюдами, названий которых порой даже не могли выговорить, не то что запомнить, и прекрасно оборудованным пляжем на территории отеля, а на четвертый день в ход пошли дополнительные развлечения: экскурсионные туры, поездки на дальние красивые пляжи и, конечно же, ежедневные походы в хаммам.

Нравственные принципы Анны, и без того уже основательно подмоченные разрывом отношений, на которые она когда-то всерьез рассчитывала, окончательно размякли под воздействием соленой морской воды, солнечных ванн, экзотических специй, умелых масляных рук массажиста, и она поддалась на ухаживания одного из администраторов отеля.

Это произошло не сразу, хоть он и начал осаду буквально на следующий день после их с мамой приезда, засыпая Анну цветами, шоколадом и приглашениями на ужин и в клуб. Цветы и шоколад она поначалу возвращала, но настойчивость, с которой он таскался за ней хвостом, потакая любым капризам, постепенно сделала свое дело: в конце концов Анна согласилась поехать с новым знакомым в какой-то местный клуб.

Поскольку это было совершенно не свидание – она поехала не одна, а вдвоем с мамой, – до места назначения их чинно доставил шофер отеля.

Женщины наивно предполагали, что их ждет представление в стиле невинной анимации для туристов, но в длинном красном коридоре, куда доносились гулкие басы, к Анне пришло понимание, что танцевальный клуб «Инферно» – совсем другого рода место. Она было предложила вернуться в отель, но мама неожиданно отказалась, решив попробовать на вкус местное веселье.

Подчинившись указаниям персонала, они прошли в главный зал и оказались в толпе беснующейся под грохот электронной музыки молодежи. Стройные танцовщицы извивались на пьедесталах, выставляя напоказ полуголые тела; мужчины вопили, когда девушки делали какие-нибудь особо откровенные движения, не забывая, впрочем, алчно поглядывать по сторонам в поисках любых других одиноких женщин. Мама, которая отроду не бывала в подобных заведениях, испуганно вцепилась в предплечье дочери, сжав его так, что пальцы побелели.

Какое-то время они бродили туда-сюда, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы вызвать для них машину, чтобы вернуться в отель, и тут, в море разгоряченных, двигающихся в едином ритме тел Анна увидела того самого администратора, который уговорил ее на эту поездку. Заметив их, он радостно замахал руками и с широкой дружелюбной улыбкой пошел им навстречу.

Он был единственным знакомым человеком среди всей этой толпы и, как ей тогда показалось, смотрел на нее с искренней нежностью и теплотой. Сердце ее встрепенулось в ответ на эту нежность, а потом было окончательно очаровано заботой, которую он проявил по отношению к двум совершенно посторонним женщинам, которые так неудачно заблудились в клубе.

О чем мечтает неопытная молодая девушка, стоящая на распутье? Кроме внимания, комплиментов, подарков и разных ухаживаний – чего она ждет от мужчины?

Поддержки и защиты.

Чувства, что рядом тот, кто все знает и решает.

Возможно, все случилось бы по-другому, если бы у Анны было хоть немного больше веры в себя, но обычно желания исполняются в том виде, в каком их загадывают. Она хотела влюбиться и влюбилась, как только ей предоставился шанс.

К сожалению, их курортный роман не отличался от всех прочих курортных романов. Пробуждение в родном городе отдавало горечью; короткая, но пылкая связь изменила ее разум и чувства. Тепло Анталии уже давно сменилось холодом родного города, синее соленое море – зеленоватой хлорированной водой общественного бассейна, экзотика «все включено» – ежедневной работой и ужином из макарон с котлетами, а она все никак не могла смириться с реальностью: вкусив запретный плод экзотической страсти, не хотелось возвращаться к мыслям о простом русском муже, борщах и картошке.

Сначала он сам не отпускал ее, вселяя ложное чувство надежды на продолжение восточной сказки в переписках и видеочатах, но постепенно стал появляться все реже, и Анна иногда часами горько плакала в подушку, тоскуя по придуманному прекрасному образу, отказываясь понимать и принимать всю жестокую правду. Ей казалось, что она падает на дно колодца, не способная здраво мыслить, потерявшая контроль и обессилевшая, однако она не сопротивлялась в надежде, что в конце концов обретет крылья. Никакого будущего у подобных отношений не было, но в воспаленном разуме эмоции звучали сильнее любых логических доводов.

Ей тогда не хватало какого-то толчка, чтобы снова поверить в себя; ей нужно было переосмыслить заново отношение к самой себе. Не будь Анна такой настойчивой и упрямой в своих желаниях, она бы вряд ли снова поехала в тот отель, чтобы еще раз увидеть его. Больше того: зимой она отправилась на пару с подругой на встречу со своей воображаемой любовью в Стамбул. О самом городе в то время она знала только по урокам архитектурной истории; она знала, что это бывший Константинополь, что в нем находятся Софийский собор, или храм Святой Софии, и известная всему миру Голубая мечеть, которую в Турции называют мечетью султана Ахмета.

Подруги дни напролет гуляли по улочкам Стамбула, любовались пейзажами и живописными старинными постройками. Город казался живым, он дышал на них свежим морским ветром, нежно нашептывая комплименты, рассказывал восточные притчи и сказки, кружил голову, затягивая в свои пленительные объятия, из которых совсем не хотелось высвободиться.

На каждую достопримечательность у местных было по сотне рассказов, которые хотелось слушать и запоминать, чтобы делиться с теми, кто их еще не знает, так что, вернувшись домой, Анна поняла, что ее страстная любовь внезапно поменяла направление и переключилась с администратора турецкого отеля на Стамбул с его восточной самобытностью, непонятной пока культурой и потрясающе вкусной едой; особенно ее пленил Босфор, соединяющий два моря.

Вообще в Стамбуле, казалось, есть место всем и всему. Доказательством служили залюбленные, закормленные коты и чайки, множество иностранцев, постоянно там проживающих, дети, которым все позволялось, и, конечно же, очаровательные любезные горожане, передающие эстафету гостеприимства по наследству.

Когда она вернулась домой, воспоминания о чудном южном городе согревали ее сладким турецким кофе, салепом, выпитым под приятные беседы на террасах кафе возле побережья пролива. Все время пребывания в Стамбуле они сохраняли наилучшее расположение духа. Необычная атмосфера и потрясающая уличная еда вроде кумпира или сэндвичей с рыбой, не позволяла унывать вплоть до посадки на обратный самолет. Теперь закаты с силуэтами величественных минаретов всплывали в памяти при первом же взгляде на открытки с их изобра-

жениями, и Стамбул стал для Анны новой любовью, наполнив ее жизнь смыслом и страстью, и она без конца благодарила судьбу за глупый курортный роман, который мог стать ее проклятием, но в результате преподнес ей самый лучший подарок в жизни.

Даже сейчас, спустя несколько лет сидя за столиком кафе в Стамбуле, Анна вздрагивала, вспоминая, насколько сильно была натянута струна, в душе соединившая ее с этим городом, в который она безоговорочно влюбилась и в котором поклялась жить, чего бы это ей не стоило. Причем страх передумать был настолько силен, что, вернувшись домой, она буквально спустя несколько недель сообщила родителям, что нашла в Стамбуле работу, квартиру и всерьез собирается переехать. Надо сказать, они особо не сопротивлялись, разглядев бушующий в ее глазах страстный огонь, и неуверенно благословили дочь на покупку билета на самолет, снабдив кое-какой финансовой помощью на первое время.

Перелет, как ей показалось, длился вечно. Волнение не давало ей уснуть, усталость – сосредоточиться на чтении. Она впервые полностью отдалась на волю судьбы, не сопротивляясь ее течению, и боялась прийти в себя и всерьез задуматься о том, на что решилась.

В сущности, ее ожидало первое серьезное испытание в жизни: она окажется одна в незнакомой стране, где ее не встретят с распростертыми объятиями как туристку, а будут рассматривать под микроскопом, оценивая ее владение языком, профессиональные способности, умение работать в команде, проявлять инициативу и многое другое, что позволяет людям удержаться в стремительном ритме современного мегаполиса. За короткое время ей предстояло многому научиться и впитать в себя то, о чем раньше она только слышала от знакомых или по телевизору.

Выйдя из здания аэропорта, она нашла свободное такси, протянула водителю адрес офиса компании, переписанный из электронного письма, полученного еще в России, и села на заднее сиденье: общаться с кем бы то ни было ей сейчас совсем не хотелось.

Офис оказался переполнен сотрудниками, всевозможной техникой и любопытными взглядами в ее сторону – впрочем, пока все только вежливо здоровались и улыбались. Одна девушка провела ее на террасу и, закрыв за собой дверь, забросала множеством самых неожиданных вопросов.

Анну спрашивали, сколько ей лет, откуда она, что привело ее в Стамбул и многое другое. Собеседование было неожиданным и проходило в спешке, поэтому она не могла определить, какие вопросы находятся в рамках приличий, а какие – уже нет. Вообще это было только началом, и ей еще очень многое предстояло узнать и пережить.

На время трехмесячной стажировки ее прикрепили к пожилому сотруднику, которого называли Ходжа⁵. К нему она сразу же почувствовала огромное расположение и симпатию: во-первых, он очень грамотно и красиво говорил, был любезен, во-вторых, учил ее, наблюдал и восхищался успехами так, словно она была его любимой дочерью или внучкой.

Надо сказать, не только Ходжа был приветлив и любезен. Все в офисе помогали Анне, давая ей всевозможные полезные советы. Однако, будучи по характеру довольно недоверчивой и осторожной, она старалась первой ни с кем не сближаться и мало разговаривала, предпочитая наблюдать и воздерживаться от дружеских отношений, что на самом деле позволило ей побывать в роли наблюдателя.

Постепенно девушке открывались все подробности жизни коллектива, невинные сплетни и характеры окружающих ее людей, культурные особенности, влияние менталитета. Поражала женская солидарность в противостояниях с мужчинами при одновременной уступчивости и взаимной заботе всех обо всех. В офисе много беседовали, общались, часто пили чай и кофе, оставаясь при этом бодрыми и энергичными и умудряясь выполнять все свои обязанности. В целом с коллегами оказалось очень легко находить общий язык. Они угощали Анну

⁵ С турецкого языка слово «Ходжа» переводится как «учитель».

всякой всячиной и охотно уступали, сталкиваясь с ее непонятными для них привычками, при этом умудряясь никогда не высмеивать совершенные ею ошибки. Она искренне пыталась следовать их примеру, хотя такой оптимистично-дружелюбный настрой выглядел очень странно для нее. Внутренний недоверчивый таракан никак не мог успокоиться: выискивал подоплеку, обман, притворство и скрытую усмешку.

Вообще к разнице в культуре поведения, манерах, обычаях привыкнуть оказалось сложнее всего.

Часто местные жители в общественных местах вели себя совершенно иначе, чем в России, не следуя привычным с детства понятиям. Например, несмотря на постоянные проявления любезности, они никого и никогда не пропускали вперед и не уступали дорогу – это касалось как пешеходов, так и водителей машин и личных автомобилей. Считалось, что то, что сделано не специально обсуждению не подлежит. Кроме того, они любили пошуметь, причем не просто поговорить немного дольше и немного больше, чем положено, нет, они могли часами галдеть во все горло, перебивая друг друга, пока у нее не начиналась головная боль.

Поначалу Анна пыталась убедить коллег делать по-другому, объясняя, что так будет лучше, причем намного, но они, с улыбкой сказав что-то вроде «ну конечно же ты права», продолжали все делать по-своему.

Адаптация ко всему этому, включая новую работу, проходила в абсолютно бешеном ритме, плюс ей требовалось каждый день тратить время и силы на дорогу от дома до офиса и обратно, разбираться с замысловатыми продуктами в магазинах, судорожно переводя лиры в рубли на ценниках.

Ее первым жильем была комната, снятая для нее компанией в самом шумном и беспорядочном районе города Мечдиекёй, который давил на нее пугающим разнообразием, настолько противоречащим ее эстетичной натуре, что она никогда не могла там толком расслабиться.

Анна не любила это место и считала, что оно не соответствует тому Стамбулу, который очаровал ее; иное дело район Нишанташи, в котором находился офис компании. Возможно, он был не менее шумным, несколько высокомерным и в достаточной степени самовлюбленным, но при этом по-своему несравненным, светским и культурным, да еще рядом с ним располагались такие популярные районы, как Таксим и Джевахир.

Едва закончив стажировку, она сняла небольшую квартиру в Османбей и отправилась в «Икею», тратить свою первую зарплату полноценного сотрудника компании на мебель и другие необходимые предметы быта. Уют в доме создавался постепенно; все вещи и безделушки она покупала с любовью и бережно находила каждой соответствующее место.

Главной ее гордостью был балкон, предназначенный для чтения книг и уединения и открытый нараспашку в любое время года.

Зимние и осенние вечера она проводила на нем, закутавшись в теплый плед, в компании книги или планшета попивая то турецкий салеп, приправленный имбирем. В приоритетах были так же обычные фильтрованный европейский кофе, ароматный горячий чай. Главными деталями интерьера там были кресло-качалка и плетеный столик из числа тех, что часто используют владельцы уличных кафе.

Воспоминания Анны прервал конец обеденного перерыва: нужно было отправляться в офис и закончить рабочие дела, чтобы наконец вернуться к своему любимому балкону.

Перед тем как встать из-за столика, она бросила взгляд на парочку, сидевшую напротив. Оказалось, что девушка уже ушла, остался лишь молодой мужчина, который, склонив голову набок, что-то читал или разглядывал в большом блокноте, держа его в руках. Его внешность, к удивлению Анны, совершенно не вписывалась в привычный турецкий типаж: волнистые светлые волосы, чувственные губы, светлые зеленоватые глаза и словно подведенные кистью художника, четко очерченные, красиво изогнутые брови, мимические мышцы лица и рельефные скулы дышат мужественностью и силой – все это привлекало внимание, а также говорило о том,

что он часто занимается спортом и довольно тщательно следит за собой. «Может быть, он иностранец?» – подумала она, не замечая, что уже довольно долго его рассматривает.

Наконец, почувствовав ее взгляд, молодой человек поднял голову, с любопытством на нее посмотрел и улыбнулся. Их глаза встретились, и Анна, вдруг совершенно растерявшись, возможно, от неожиданности, улыбнулась ему в ответ и на секунду замерла, продолжая на него смотреть. Ей пришлось приложить немалое усилие, чтобы в конце концов отвести взгляд в сторону. Почувствовав себя ужасно неловко, она быстро встала и направилась в сторону здания, где был расположен офис компании. Но в глубине души она уже знала, что внутри нее снова появилось это ощущение. То самое, которое она испытывала в тот день, когда приняла неожиданное решение переехать жить в Стамбул.

«Что-то изменилось, – подумала она. – Интересно, к чему это приведет?»

Глава 2. Стамбул, я твоя иностранка

Здание цвета слоновой кости, в котором работала Анна, представляло собой образчик классической архитектуры прошлого века с высокими потолками, фресками, пилястрами и большими арочными окнами. Оно выделялось среди остальных, воплощая в себе достоинства минувшей эпохи, и внешнее величие подчеркивало его важное значение в ней. Едва посетитель входил в подъезд, как оказывался погруженным в величавое спокойствие, свойственное тому времени.

Широкая мраморная лестница, устланная бордовой ковровой дорожкой, опоясывала собой шахту старинного лифта, находящуюся в центре просторной площадки. Заключенный меж решеток механизм имел функцию вызова только на первом этаже, но перемещаться мог как вверх, так и вниз. Стены, отделанные благородным камнем, украшали картины и цветущая зелень.

Анне нужно было подняться по этой лестнице к двустворчатой высокой деревянной двери и несколько раз провернуть ключ в замке, чтобы попасть в оживленный офис, заполненный компьютерами и другой техникой, а также макетами и книгами. В кабинете с высоким потолком, широкой дверью и просторным столом, уставленным огромными мониторами, в компании гудящих системных блоков кроме Анны обычно сидело еще три человека. Ее место было расположено таким образом, что между двумя рабочими экранами было видно большое окно в обрамлении рамы из натурального дерева, через которое открывался вид на одну из узких центральных улиц Стамбула. Она была заполнена гудящими машинами и пешеходами, которые сегодня особенно спешили, стремясь побыстрее убежать от непривычного для них холода туда, где можно выпить согревающего напитка в тепле и комфорте, подальше от причуд разбушевавшейся погоды.

Образовывали улицу плотно сомкнутые друг с другом стены жилых домов, архитектурный стиль которых напоминал здание, в котором работала Анна. Но все равно они все оставались разными по цвету и оформлению. Огромные парадные, высокие потолки, лифты, которые в те времена были столь редки, фрески, лепнина, настенная роспись – все здесь дышало памятью о прошлом веке и людях, имевших когда-то влияние и силу.

Внезапно Анне ужасно захотелось оказаться в кресле на своем балконе. Закутаться в теплый плед, заварить ароматный чай, и сидеть в обнимку с книжкой, наслаждаясь свежим воздухом, возможно, немного чересчур прохладным, но зато не душным; вслушиваться в волнующие звуки ветра и дождя, шум города, шаги прохожих. Одиночество никогда не пугало ее; будучи единственным ребенком, она привыкла к нему с детства и давно и бессовестно им наслаждалась, сознательно избегая общества.

Но до кресла и балкона было далеко, потому что работы сегодня было много: руководитель проекта Мерьем уехала в долгожданный отпуск, а при этом часть ее по-прежнему оставалась на рабочем месте – из Праги регулярно поступали звонки, и динамик сообщал бодрим голосом о готовности работать в любое время суток, только бы отдохнуть поменьше. В этом не было ничего удивительного, если подумать: работа для нее стала семьей, офис – домом, проекты – детьми, ответственность перед компанией – главным в жизни долгом. А положительные эмоции приносили благодарности клиентов и удовлетворение от построенных и сданных объектов. Гордость переполняла ее, когда здания начинали функционировать и могли существовать уже без нее, а на их место приходили новые планы и идеи. Мерьем в свои тридцать пять лет открыто заявляла, что не планирует создавать семью, что денег у нее вполне достаточно, а когда кто-то из сотрудников приводил на работу ребенка, она, грустно взглянув на него, спешила уйти в дела с головой, объясняя, что не любит, не понимает детей, и вообще все это не для нее.

Анна не разделяла взглядов начальницы и даже подозревала, что та несколько лукавит, постоянно напоминая коллегам о своих антисемейных настроениях. Она, конечно, тоже любила свою работу, но ещё больше хотела любить и быть любимой, когда – нибудь встретить мужчину своей мечты, завести семью, родить ему детей.

Сейчас ей было хорошо, она наслаждалась своей незамужней жизнью наедине с книгами и хобби, а в качестве общения ей вполне хватало посиделок с друзьями и коллегами по выходным и ежедневной суеты на работе. Однако она не сомневалась, что когда окончательно привыкнет к жизни в Турции и освоится, ее непостоянный характер потребует изменений, и ей придется совершить новый шаг вперед, который, возможно, наконец подарит ей настоящее счастье. В глубине души Анна даже была в этом уверена, потому что какая-то часть ее уже сейчас мечтала, чтобы дома стало весело и шумно, а звуки жизни заглушили бы неуверенность, которая временами охватывала ее, неприятные воспоминания, возникавшие в голове, и меньше времени оставалось бы на книги. Тогда бы она точно разлюбила одиночество, отдала бы себя в надежные мужские руки, создавая вокруг уют и даря любовь супругу и детям.

Подсознательно она давно ждала, и ждала с нетерпением, когда к ней придет большая любовь и принесет незабываемые приключения, о которых она будет рассказывать своим детям и внукам, а потом этот бурный поток незаметно погрузит ее в водоворот спокойной, размеренной, счастливой семейной жизни.

На расписных стенах кабинета висели чертежи и наброски, бережно выполненные рукой архитектора, во времена которого еще не пользовались компьютерами и принтерами, и который с удовольствием влился в новый век технологий, даже не подумав бросить или сменить работу. Вот и сейчас он сидел перед монитором, с абсолютно прямой спиной, в присущей ему одному манере, а его выразительные большие глаза увлеченно наблюдали за построением трехмерной визуализации собора. Среди зданий Нишанташи были проекты, сделанные им еще в XX веке, выполненные на огромных листах ватмана с помощью линеек, лекал и рапидографов.

Тогда еще не было возможности так легко изобразить будущее здание в трехмерной проекции, а теперь все было в его руках, и он с удовольствием пользовался новыми возможностями, несмотря на свой возраст.

Анна познакомилась с Ходжа в один из первых рабочих дней, и они сразу подружились. Она искренне восхищалась им и относилась к нему трепетно, как к живому доказательству существования истории светской архитектуры. Ходжа знал, казалось, буквально все, но при этом был открыт для любой новой информации. Речь его была выразительной, а голос приятным; они много разговаривали и, возможно, именно благодаря присутствию рядом этого замечательного человека самые сложные первые месяцы адаптации к новой стране и культуре прошли для Анны намного легче, чем это могло быть.

Профессор Ходжа был добрым, умным и культурным пожилым дженльменом; он не давал ей раскиснуть своей требовательностью, невероятной активностью и трудолюбием. Его глаза улыбались даже тогда, когда говорил он очень серьезным тоном, а из его стола постоянно появлялись разные интересные конструкции: маленькие модели локомотивов, знаменитых памятников архитектуре и многое другое.

Он часто дарил Анне книги и чертежи, выполненные его руками, а также некоторые предметы из своей разнообразной коллекции, например, ящик с керамической мозаикой или трехмерные открытки. Профессор часто рассказывал молодой прилежной слушательнице о своей жене, в которую был безумно влюблен. Сердце Анны замирало, когда он, позвонив ей, спрашивал: «Как дела у моей любимой?», а потом рассказывал коллегам, какие подарки ей сделал. Жена Ходжа, однозначно, была одной из самых счастливых и уверенных в себе женщин.

Профессор сидел справа от Анны. Слева от нее сидела Джерен, девушка с длинными русыми кудрями и худеньким лицом, на котором светились темные любопытные глаза. Широ-

кие бедра придавали типично восточный силуэт ее фигуре, а небольшой рост, подчеркнутый плотным телосложением, словно окружал ее облаком повышенной гравитации. Она постоянно жаловалась на здоровье и хроническую усталость.

Из-за отсутствия общих интересов Анна практически не общалась с ней на темы, не касающиеся работы. Исключение составляли неожиданные вопросы с подвохом, которые любила задавать девушка, бесцеремонно вторгаясь в личное пространство коллег. Джерен попала к ним всего неделю назад, потому что не нашла общего языка с сотрудниками другого отдела, а неконфликтная по натуре Мерьем решила, что у нее в команде таких трудностей не возникнет.

Возможно, эта мысль пришла ей в голову из-за присутствия Ходжа, при котором никто не решался позволять себе лишнего в поведении. Таким образом Джерен, любившей посплетничать, ничего не оставалось, кроме как уходить с подругами из других отделов на террасу.

Кроме личного общения, Анне приходилось постоянно обращаться к другим сотрудникам для решения всевозможных рабочих вопросов. В такие моменты манеры Джерен частенько приводили ее в бешенство, отчего отношения между ними испортились окончательно. В результате Анна была вынуждена постоянно ловить на себе неодобрительные взгляды слева и делать вид, что ничего не замечает.

Когда до конца рабочего дня осталось часа полтора, в кабинет зашел красный и взъерошенный после нескольких совещаний директор. Увидев пустующее место Мерьем-ханым⁶, он, развернувшись, было направился к выходу, но, неожиданно остановившись, посмотрел на Ходжа.

– Ходжа, нам необходимо взяться за проект для арабов – стилизованной копии АйяСофии. От нас уже ждут концепцию, – сообщил он безапелляционным тоном. – Мне нужно, чтобы ты принял участие в этом проекте: там накопилось много незаконченной работы. Все сейчас очень заняты, и если ты окажешь нам помощь в столь трудное время, я буду тебе очень признателен.

Несмотря на видимость просьбы, интонация, с которой Мехмет-бей⁷ высказал все это, подразумевала, что он не ожидает возражений.

«Он не зря сказал это в слух в присутствии свидетелей, – подумала Анна. — Он скорее сообщает об уже свершившемся факте, нежели просит».

В доказательство ее подозрений начальник, не дождавшись ответа, продолжил идти по направлению к двери. Его остановил спокойный голос старика, который медленно произнес:

– Мехмет-бей, ты знаешь, что у меня есть свои собственные дела и проекты. Я могу время от времени работать в команде в роли консультанта, но я не могу руководить проектом. – Он мягко улыбнулся. – Мне бы хотелось успеть закончить свою книгу при жизни, если ты позволишь.

– Я дам тебе в помощь любого архитектора, какого ты захочешь. С кем бы ты хотел работать?

«Если он согласится, кому-то здорово повезет», – усмехнулась про себя Анна, услышав предложение директора.

⁶ *В переводе с турецкого hanım – ханым, ханум -означает «госпожа».

⁷ *Бей (bey) – титул военачальника, янычара. В современном турецком используется как эквивалент слова «господин» для обозначения вышестоящих должностей (босс, начальник).

– В общем, ты пока все обдумай, а завтра мы вернемся к этому разговору.

Недожидаясь ответа, Мехмет-бей быстрым шагом, не попрощавшись, вышел из кабинета. Сквозь дверь они услышали, как он громким голосом зовет своего шофера.

– До свидания, – вежливо сказал Ходжа ему вслед, все так же мягко улыбаясь, словно директор и не заходил вовсе, а этого разговора не было.

«Интересно, как у него так получается? – разглядывая старика, с любопытством подумала Анна. – Продумывает ли он все заранее, или опыт позволяет экспромтом так удачно реагировать?»

Словно прочитав ее мысли, Ходжа лукаво усмехнулся. Джерен неожиданно вскочила со своего места и быстро зашагала в сторону выхода.

«Стоило директору выйти, как у Джерен сразу появились неотложные дела за пределами рабочего кабинета. Беги, Джерен, беги, а я пока от тебя отдохну».

Накопившаяся работа заставила Анну задержаться в офисе до девяти часов. То и дело ее занятия прерывались грандиозными пятничными приготовлениями коллег: все собирались хорошенько гульнуть после тяжелой недели, несмотря на то что суббота была наполовину рабочим днем. Их ажиотаж подпитывало получение зарплаты с одной стороны и плохая погода с другой. Не выдержав натиска общественности, она согласилась отправиться вместе со всеми в недавно открывшийся бар на Истикляль, чтобы немного разбавить ежедневную рутину.

В заведении оказалось шумно и весело. Играла живая музыка: на небольшой сцене в углу молодой человек аккомпанировал на гитаре девушке, которая исполняла «Değmes ellerimiz» из репертуара Model – это была любимая турецкая песня Анны. Джерен и ее друг не было видно, что тоже заметно поднимало настроение.

«Интересно, встречаются ли они?» – подумала она, глядя на солистку и ее аккомпаниатора: они чем-то напоминали ей парочку, которую она встретила в кафе днем, в обеденный перерыв. От нечего делать она стала фантазировать об их возможных отношениях, планах на будущее, о семьях. Ей было интересно, какие могут быть дети у родителей с такой разной внешностью.

Анна сама не знала, почему вдруг начала об этом думать; какое-то чувство внутри нее разрасталось, точно сорняк, упрямо пробивающийся между камнями мостовой. Может, это была зависть, а может быть любопытство, или и то и другое. Чтобы выкинуть из головы навязчивые мысли, она попыталась сосредоточиться на царящем вокруг нее веселье и заметила, что сидящая рядом Назлы громко хохочет.

– О чем ты замечталась, Энни? Может быть, ты наконец влюбилась? – Она с любопытством бросила на Анну взгляд, полный искрящегося смеха.

Надо сказать, выражение лица Назлы почти всегда было жизнерадостным – уверенная в себе красавица, талантливый дизайнер с прекрасным вкусом, она всегда привлекала к себе людей, сочетая с внешней утонченной хрупкостью искреннюю доброжелательность, силу и чуткость. Когда ей хотелось праздника и внимания, ее большие карие глаза с длинными темными ресницами капризно блестели; она полностью соответствовала своему имени⁸, и нетрудно догадаться, что все, в том числе и Анна, ее очень любили.

⁸ *Назлы в переводе с турецкого означает «избалованная».

– Нет, просто она устала отвечать на вопросы Джерен и доделывать ее работу, – сказал Эркан, и все дружно засмеялись вместе с ним.

– Неважно, о чем я задумалась, лучше помогите мне отвлечься от дел. А заодно и от Джерен, – попросила Анна, вызвав у коллег еще один взрыв жизнерадостного хохота. – Скажи лучше, как поживают твои племянницы? – спросила она с хитрой улыбкой, обращаясь к Эркану; дело в том, что этот молодой парень во всем был обычным представителем мужского пола, но по какой-то неведомой причине как огня боялся даже намека на серьезные отношения с кем бы то ни было и старался избегать любых контактов с детьми.

– Это нечестно, я хотел за тебя заступиться! – возмутился Эркан. – Они меня чуть не сожрали, пока я сидел с ними. Целых три часа! Я люблю свою сестру, но с ее маленькими копиями чувствую себя абсолютно беспомощным.

– О-о-о, бедняжка! – Анна утешающе потрепала его по плечу.

После очередной рюмки текилы собравшиеся были способны сосредоточиться лишь на самых общих темах. Окончательно расслабившись, люди позволили улыбкам свободно расползтись по лицам и постепенно, внимая громким призывам музыки, переключились с разговоров на танцы. Анна чувствовала себя превосходно: казалось, что вся усталость и скопившаяся за неделю негативная энергия вытекала из нее вместе с каждым движением, совершённым в такт бьющимся в зале ритму. Кровь, взбудораженная выбросами адреналина, давала обманчивое чувство легкости и вселилия: мозг просто не слышал сигналов тела, требовавшего остановиться и передохнуть.

Стало жарко. Лицо Анны покраснелось, ноги гудели. В конце концов она решила выйти на улицу, чтобы подышать свежим вечерним воздухом. Ступив на заполненную гуляющими людьми пешеходную дорожку, она словно очутилась в другом мире. Всюду чувствовался ритм жизни, и всплески бушующей энергии были словно салют в честь капитуляции будней.

Постепенно компания снова собралась, но уже на втором этаже заведения. Здесь музыка была немного тише, а сиденья возле столиков – намного удобнее. Разговор возобновился; с темы политики перешли на обсуждение устройства мира и обществ, а позже – на несправедливость в различиях социальных слоев. Решения земных проблем, предлагавшиеся после приема очередных порций спиртного, звучали шумной разногласицей, перекликавшейся с музыкой и разговорами других посетителей бара.

Анне казалось, весь мир сосредоточился в этой одной точке. Она смотрела на своих новых друзей, иностранцев, которых она три года назад знать не знала, и видела в них обычных молодых людей, точно таких же, какие когда-то окружали ее в родном городе.

– Энни, вот скажи: коммунизм – это же очень здорово? Каждому по заслугам... Почему распался ваш Советский Союз? – спросила девушка по имени Тюркян, неожиданно вызывая в памяти Анны казавшиеся такими далекими детские воспоминания. Она задумалась.

– Тюркян-джим⁹, когда распался СССР, мне был всего год, я мало что помню. – Анна немного нервно улыбнулась. – В любом случае, вряд ли ты найдешь однозначный ответ на этот вопрос. Все зависит от восприятия, а это очень субъективная штука. Я, конечно, могу пересказать несколько страниц из учебника истории, но лучше тебе почитать об этом самой.

⁹ *Джим – используется в турецком языке, как уменьшительно-ласкательное окончание.

«СССР – это палка о двух концах, – уже мысленно продолжила диалог Анна. – Ты знаешь, кто такие „кулаки“? Нет? Может быть, когда-нибудь я тебе расскажу, как раскулачили моего прадеда».

– Ладно, ребят, мне пора – такси подъехало. Тюркян, можем завтра списаться в Интернете и вместе посмотреть, если ты захочешь. Все, я ухожу. – Анна поспешно всех перецеловала и добавила: – Желаю всем хорошо повеселиться этой ночью!

Всю дорогу домой, пока она сидела на заднем сиденье такси, в памяти всплывали обрывки воспоминаний. Тяжелые девяностые, когда Анна была еще совсем ребенком: пьющий папа, плачущая мама, почему-то фотография Влада Листьева, которую целыми днями транслировали по телевизору после его убийства. Она подумала, что в то время людей занимали совсем другие вещи, потому что всегда всего недоставало. Не хватало разнообразия в еде, не было достатка, не было уверенности в завтрашнем дне, но это не мешало людям изо всех сил цепляться за жизнь.

В детстве Анна всегда думала, что такие явления, как пьющий папа и плачущая мама неразрывно связаны между собой и являются источниками друг друга. Только начав жить в достатке, ощутив некоторую уверенность в окружающем мире, она поняла, что это была реакция на бушующую вокруг стихию. Не каждый взрослый был способен справиться с тем, что в те времена свалилось на него. Земля уходила из-под ног, привычный социалистический мир рушился, чтобы перестроиться на новый лад – капиталистический.

«Всему виной погода, – подумала она. – В моем детстве было много хорошего: счастья и любви, заботы и терпения. Я хочу помнить эти чувства».

Придя домой, она сразу отправилась спать и погрузилась в тяжелый сон, от которого кружилась голова.

В этом сне Анна ждала отца, который должен был вернуться с работы. В гостиной, где она сидела, было темно, свет просачивался сквозь щель под дверью кухни. Не было страшно, но было очень грустно. Во сне она знала, что папа не вернется. Это знание сдавливало грудь, и там все болело, а к горлу подступил комок. Мама была на кухне и звала ее, но Анна не двигалась с места, продолжая ждать. Вдруг из книжной полки, размахивая обложкой, словно крыльями, вылетела книга, которую недавно читал отец. Она подлетела и упала перед ногами девочки. Маленькая Анна неуверенно подобрала ее с пола и увидела, что на обложке написано: «Надежда».

На самом деле она не прочла эту надпись, она просто знала, что там написано именно это слово, – написано большими красными буквами, которые словно врезаны в фон синего зимнего неба.

Тут открылась входная дверь – это пришел папа. Анна попыталась позвать его, но не смогла. Она побежала к нему навстречу, но к ее ногам стали падать книги с полок, преграждая ей путь. Маленькая девочка испуганно заплакала; спотыкаясь и падая, она попыталась перелезть через неожиданную преграду, и все стало исчезать; комната, папа, мама – все растворилось в холодном небытии. Осталась только Анна, застрявшая в бесконечной гряде книг. Ее маленькие ноги не слушались, руки не могли найти опоры, слезы заливали лицо, рот открывался в беззвучном крике...

Она проснулась в своей съемной квартире, в Стамбуле, далеко от папы и мамы, далеко от тех времен, и почувствовала себя полностью разбитой. «Что это может значить?» – подумала она, расправляя одеяло и простыню, сбившиеся в ком от судорожных движений, которые она бессознательно совершала, находясь во власти ночного кошмара.

С тяжелым сердцем она улеглась в заново застеленную постель и через некоторое время снова уснула, на этот раз уже без неожиданных пробуждений.

В девять утра она поднялась и нехотя направилась в ванную умываться: пора было собираться на работу. В субботу у них был свободный график, но незаконченные вчера дела ждали ее в офисном компьютере. «Чем быстрее я за них возьмусь, тем быстрее они закончатся», – твердила она про себя; на вечер у нее были кое-какие планы, и Анна собиралась освободить послеобеденное время для себя.

На улице было холодно и серо. Миновав всего один квартал, она попала под мощный холодный ливень, внезапно обрушившийся на город. От него не спасал никакой зонтик, волосы и вся одежда вмиг промокли насквозь, однако девушка настойчиво продолжала идти к офису: мощь природных стихий ее скорее восхищала, нежели пугала, и она всегда немного радовалась, когда оказывалась застигнута врасплох неожиданной выходкой погоды. Даже в детстве Анна бесстрашно и восторженно встречала такие сюрпризы стихий в полном одиночестве.

Офис встретил ее непривычной пустотой и тишиной: видимо, после вчерашних посиделок в баре еще никто не очнулся; только повариха гремела посудой на кухне. Увидев девушку, она громко ахнула: пальто Анны промокло насквозь, а теплый бабушкин шарф висел на плечах тяжелой мокрой тряпкой.

Заставив ее переодеться в запасной комплект одежды, оставленный в офисе на случай внезапных деловых встреч и важных совещаний, Айше-абла¹⁰ укутала Анну в плед, сунула в руки огромную кружку горячего кофе, усадила за стол рядом с батареей, а спустя несколько минут поставила перед ней тарелку чечевичного супа, приправленного огромным количеством лимона и имбиря.

– В нем много витамина С, – сказала добрая Айше тоном, не допускающим возражений. – Съешь все, и не заболеешь.

Она работала в этом офисе уже десятый год, и, несмотря на ее заботу и милый домашний вид, все сотрудники ее уважали и боялись едва ли не больше, чем директора. Поначалу это было для Анны загадкой, и, не зная местных обычаев, она держалась с поварихой очень вежливо, послушно выполняя все указания с ее стороны. Потом она заметила, что большинство молодых людей в офисе ведет себя точно так же, и поняла, что все дело в привязанности турецкой молодежи к родному дому и семье. Местная культура требовала поддерживать крепкие родственные узы, и большинству из них тяжело давалась одинокая жизнь в чужом городе, а Стамбул, к тому же, был еще и мегаполисом, населенным куда более жесткими и закаленными людьми, чем те, к кому они с детства привыкли. Пожилая турчанка была этаким своеобразной зоной комфорта, утолявшей зудящее чувство ностальгии по родным и близким.

– Хорошо, Айше-абла, – послушно кивнула Анна, берясь за тарелку с супом, – спасибо. Здоровья твоим рукам.

Услышав это, добрая женщина засияла улыбкой и, смешно переваливаясь с боку на бок, быстрыми шажками поспешила к плите. Несмотря на некоторую неуклюжесть, Айше-абла была полна чисто женского, материнского начала, выразившегося в необыкновенной любви к своей работе, к которой она требовала заслуженного уважения; ее присутствие создавало в офисе особую, почти семейную атмосферу.

Надо сказать, что кроме Анны в компании было много иностранцев, и каждый из них старался привнести в рабочее пространство свой собственный домашний уют. Многие современные офис-менеджеры сочли бы это неприемлемым, но уже долгое время процесс шел без малейших проблем. Возможно, дело было в том, что мало кто из сотрудников имел семью

¹⁰ *Вежливое обращение молодых к старшим.

и детей, и поэтому большинство могло всецело отдавать себя работе без каких-либо ограничений. Однако и те сотрудники, у кого были дети и семьи, поступали точно так же, трепетно поддерживая рабочую идиллию.

От заботы Айше и горячего питья Анна согрелась, в голове у нее прояснилось, и работа пошла намного легче и приятнее. Дождик, барабанивший по стеклу, напоминал о детстве, о времени, проведенном на веранде в компании книг и друзей, о заботе матери и бабушки, о собаке, которая занимала в жизни Анны особое место... Да, в ее детстве было много счастливых дней, нельзя забывать этого. Оно ласкало воспоминания пробежками по высокой траве, обвивавшей голые щиколотки, наперегонки с двоюродными сестрами и братьями; обжигающей свежестью воды в недолгие купальные сезоны; теплым ветром, от которого шелестели листья на деревьях, воздухом, прогретым летним солнцем, наполненным ароматом свежескошенных трав, клубники и душицы, – или, в городе, ароматом мокрого после асфальта дождя. Согревало душу бескорыстной заботой родителей и близких.

В детстве Анна часто бывала счастлива; была она счастлива и сейчас, занятая любимой работой, окруженная уютом, созданным натруженными руками старой Айше, и теплом, исходящим от офисной батареи. Не последнюю роль в ее умиротворенном настроении играло наличие хорошей зарплаты – всегда приятно, когда у тебя есть деньги на разные милые сердцу мелочи.

Обычно Анна сидела лицом к окну, но сегодня повернулась спиной к нему, поэтому сразу увидела вошедшего в кабинет директора и вежливо его поприветствовала:

– Здравствуйте, Мехмет-бей.

– Здравствуй, Анна. Как у тебя дела? – спросил он скорее для приличия, нежели из искреннего любопытства.

– Спасибо, все хорошо. Извините, Ходжа по субботам не работает...

– А я не к нему, я к тебе. Хотел сказать, что над проектом арабской версии Айя Софии с ним будешь работать ты! – сообщил директор с таким выражением, словно случайно выдал очень важный секрет.

Круглыми от ужаса глазами она уставилась на своего босса.

«Что? О боже! Да у меня же куча работы! – мигом пронеслось у нее в голове. – И я на практике мало знаю о мечетях и минаретах! И вообще я никогда не работала ни с историческими архитектурными памятниками, ни с их копиями!»

– Это точно? – спросила она вслух слегка дрожащим голосом. – Вы уверены, что я подхожу для такой работы?

– Ну конечно! Этот проект – твой шанс! Я узнал, что ты интересуешься историей и много читаешь про Айя Софию, а также про то, что когда-то ты хотела там работать! – В уверенном голосе директора явственно прозвучало: «Я все знаю; в этот офис без моего ведома ни одна муха не проскользнет!»

«Ни черта ты не знаешь! – мысленно ответила ему Анна. – Откуда у тебя вообще взялась такая информация? Может, ты хочешь от меня избавиться, и это такой хитрый план? Но почему бы тогда просто не уволить?»

После ухода директора она начала отчаянно вспоминать, где и когда он мог получить столько правильной и неправильной информации одновременно.

Да, Анна интересовалась и даже изучала турецкую архитектуру мечетей, но недолго. В особенности тогда, когда удавалось узнать от Ходжа строительные и архитектурные принципы, которые лежали в основе Айя Софии и других турецких мечетей. Профессор очень любил рассказывать и рассуждать вслух, а она очень любила слушать его и учиться. И, конечно же, такой великолепный, полный тайн и загадочных историй, памятник архитектуры, как Софийский собор, не мог не привлечь ее внимания. Айя Софии было больше полутора тысяч лет, и он был одним из самых древних и необычных архитектурных памятников Стамбула.

Но ее разговоры с Ходжа могли слышать только те, кто присутствовал в их рабочем кабинете: Мерьем-ханым и Джерен, но они вряд ли стали бы намеренно сообщать такую незначительную информацию боссу. Мерьем так и вовсе было невыгодно, чтобы Анну перевели в другой проект. А вот Джерен... Насчет нее полной уверенности не было. Она вполне могла решить, что это хороший способ избавиться от конкурентки.

«Что ж, – подумала Анна, – если Джерен и вправду это подстроила, наговорив всякой ерунды Мехмет-бею, и теперь ждет, что я провалю проект, то она ошибается, даю слово!»

Вообще говоря, если совсем по-честному, от проделки Джерен больше всех суждено было пострадать Мерьем, которая по возвращении из отпуска лишится помощницы. И если забыть про обиду и незаконченные проекты, можно сказать, что Анне действительно повезло, потому что ей и правда было бы очень интересно поработать над великой Айя Софией, да еще вместе с Ходжа. Так что, конечно, опасения не справиться с такой большой ответственностью было, но любопытство и желание поставить на место зарвавшуюся коллегу ее порядком раззадорило.

В воскресенье Анна усердно занялась уборкой квартиры. Перемыв все, до чего только достали руки, она занялась своими комнатными растениями, которые никак не желали приживаться в ее доме – с каждым днем они выглядели все хуже, несмотря на климат-контроль и хорошее освещение.

«Ну чего еще они от меня хотят? – спрашивала себя Анна. – И брала ведь самые неприхотливые, чтобы только выглядели симпатично и создавали уют».

Она вспомнила, как перед самым отъездом в Стамбул, еще в России, ездила в «Икею» со своей подругой, Майей, просто ради прогулки и за компанию. Там, останавливаясь возле каждой секции, Анна мечтательно описывала, как обустроит свое новое жилище в Стамбуле. Она разглядывала вазочки, прикидывая про себя, как они будут смотреться в различных сочетаниях, мысленно собирала в комплекты столы и стулья, представляла, какие какие картины напишет, чтобы развесить в гостиной, какие фотографии вставит в рамки, каким будет ее первый сервиз, белье, подушки...

– А диван непременно будет мягким и коричневым, – увлеченно говорила она подруге, – вот, например, как этот. И на нем будут разноцветные подушки. Кровать обязательно будет огромная, и я буду спать на ней одна, словно королева.

Майя хмыкнула.

– Знаешь, я не думаю, что в Турции ты так уж долго пробудешь одна...

Очнувшись от приятных воспоминаний, Анна посмотрела на свой бордовый, совершенно не мягкий диван с однотонными полосатыми подушками и подумала, как же так получилось, что он оказался у нее дома.

Кажется, ее покорили высокие деревянные ножки, а точнее их реклама, которая сообщала, что уборка с ними будет быстрой и легкой. Теперь же она думала, что если бы не эти ножки, ей бы вообще не пришлось убирать под диваном.

Картин, написанных собственноручно, и рамок с любимыми фотографиями тоже пока не было, зато было необычайно вычурное произведение современного искусства из проволоки, висевшее на стене в гостиной, которое она купила в интерьерном бутике, когда шла домой с работы – при взгляде на него Анну каждый раз обдавало волной эмоционального холода.

А еще был книжный шкаф, полка в котором пока было занято совсем немного по причине дефицита русскоязычной литературы в Стамбуле.

Кровать, увы, тоже не дотягивала до огромной; она даже не была двуспальной, говоря строго, пусть ей и не хватало для этого всего каких-то двадцати сантиметров. Кроме того, с одной стороны она всегда была завалена одеждой, книгами, электронными гаджетами и прочим хламом, так что спать, как королева, пока тоже не получалось.

«И вазу я так и не купила, – подумала Анна расстроено. – А ведь это не так уж сложно, купить вазу и каждый день ставить в нее свежие цветы. Если бы у меня был ежедневник, я бы сделала в нем пометку, чтобы не забыть об этом. Нужно будет обязательно купить ежедневник. А еще – маленький столик в гостиную и журналы».

Она понимала, что нужно что-то менять в своей жизни, и начинать это делать надо прямо сейчас, не оправдываясь затянувшейся адаптацией.

Например, начать бегать по утрам – Анна живо представила, как бежит по улочкам Стамбула в кроссовках и красивом тренировочном костюме, а по пятам за ней гонится свора собак, и ужаснулась.

«Кажется, Назлы тоже хотела заняться спортом, надо будет поговорить с ней. Запишемся куда-нибудь вместе, или можно бегать вдвоем в парке», – решила она.

Еще нужно было как-то наладить культурно-познавательную составляющую жизни: сходить в местный театр, филармонию, на балет или музыкальное шоу.

Кроме того, возможно, ей следовало познакомиться с кем-нибудь из русскоговорящих жителей Стамбула – частенько турецкие знакомые и коллеги упоминали о русских невестах друга двоюродного брата или брата знакомого друга и так далее.

Закончив уборку, Анна собрала мусор в большой мешок и вынесла за дверь, чтобы его оттуда вечером забрал смотрящий¹¹, после чего привела себя в порядок, оделась и отправилась за обязательными еже

Сегодня ей нужно было купить продуктов на воскресном базаре и съездить в супермаркет.

Базар находился недалеко от дома и до вечера был открыт, поэтому для начала она поехала в супермаркет, воспользовавшись для этого бесплатным сервисным автобусом. Его последний рейс был в четыре часа, значит, у нее оставалось почти два часа на покупки. Затем она вернется домой, оставит там тяжелые сумки и налегке отправится за свежими овощами, фруктами, рыбой, грибами и зеленью.

Подумав об этом, Анна улыбнулась: оказывается, и в большом городе можно устроиться с комфортом, если все хорошенько спланировать.

Довольная и усталая, она вернулась домой уже вечером. Сердце грела мысль, что все свои планы на сегодня ей удалось успешно выполнить. Выпив чашку чая на балконе, она умылась

¹¹ недельными покупками.*Во всех многоквартирных домах благополучных районов Стамбула обычно имеется служащий, в обязанности которого входит уборка общих помещений, дворов, уход за находящимися на придомовой территории деревьями и цветами. Одновременно этот служащий может быть охранником и отвечать за безопасность. Зарплату ему платят жильцы, отчисляя с каждой квартиры определенную сумму. Также жильцы дома нередко предоставляют таким служащим бесплатное жилье, коллективно оплачивая аренду квартиры и коммунальные услуги. (Прим. авт.)

и легла в кровать. Груда вещей, лежавшая на второй половине ее почти королевского ложа намекала, что одного успешного похода по магазинам для начала новой жизни слишком мало.

«С завтрашнего начну меняться, – снова пообещала Анна сама себе, а потом добавила: – Не начну, а уже начала. Уже».

С этими мыслями она погрузилась в сон; вместе с другом детства они бежали среди высокой травы, и впереди был виден только его затылок, мелькавший в зарослях, словно поплавок. Трава была мокрой и холодной; от нее исходил приятный аромат, который смешивался с утренней свежестью. Полевые цветы раскрывались навстречу солнцу, вполне довольные непритязательным уходом дикой природы.

«Эти растения ни за что не прижились бы у меня дома, – подумала Анна во сне, – потому что им нужны свежий воздух, ветер, дождь и свобода. И общество таких же, как они».

Запись в новом ежедневнике:

1. Начать занятия спортом. Например, пробежки. Нужно спросить девочек, может, кто-нибудь согласится бегать со мной по утрам в парке «Мачка».

2. Купить вазу-три вазы.

3. Сходить в любой театр, кроме КИНОтеатра.

4. Завести новых друзей (русскоговорящих).

5. Чаще гулять по старым районам Стамбула.

6. Раз в неделю гулять по набережной Босфора.

7. Попробовать завести парня-начать новые отношения.

8. Если не получится с отношениями, то завести животное, например, собаку. С ней можно будет бегать в парке!

Глава 3. Стамбул, я твоя квартирантка

Долгожданная новая жизнь постучала в двери утром понедельника, когда на ее рабочий стол принесли стопку бумаг и жесткий диск с данными по проекту современной копии Айя Софии для арабских заказчиков, чтобы она успела со всем ознакомиться до того, как в офис придет Ходжа.

Джерен, старательно изображая удивление, сначала молча наблюдала за происходящим, а затем заявила, что в шоке от перевода Анны на другой проект, и что Мерьем, когда вернется, будет этому совсем не рада.

– Но я думаю, что ты обязательно справишься, – с сочувствием на лице добавила она. – В любом случае, даже если не справишься, не думаю, что Мехмет-бей тебя уволит, так что не переживай. Он знает, что ты очень важна для нашей команды.

Сказав это, Джерен радостно приветствовала свою подругу Эсру, появившуюся на пороге кабинета: похоже, она переходила к ним в отдел, чтобы заниматься проектами, на которые у Анны больше не будет времени. За новой соседкой шел айтишник с помощниками, которые несли компьютер и другую необходимую для работы технику.

Ну вот, теперь в их отделе будет больше шума, женских разговоров и сплетен.

– Джерен, ты ведь помнишь, что я должна была отчитаться по своим прежним проектам к концу этой недели? Теперь вам вдвоем с Эсрой нужно будет все успеть. Меня временно от них отстранили, чтобы ничто не отвлекало от арабской Айя Софии, так что я больше не отвечаю за результат, – сказала Анна, с удовольствием наблюдая, как озабоченность сменяет радостные улыбки на лицах девушек. – Ничего, я уверена, что вы со всем прекрасно справитесь, – добавила она, копируя недавний монолог Джерен.

Наградив Анну двумя недовольными взглядами, подруги поспешно удалились под предлогом, что хотят выпить чаю.

«Наверняка будут перемывать мне косточки», – подумала она, глядя им вслед, и тут же забыла о неприятном эпизоде, с головой ушла в изучение материалов по своему новому проекту, так что даже суета на другом конце рабочего стола, вызванная установкой техники, не могла ее отвлечь.

Анна увлеченно листала страницы, вспоминая свои походы в Софийский собор, уроки по истории архитектуры в российском университете, совместную подготовку материалов, чертежи и наставления Ходжа, сопровождающиеся мягкой улыбкой и живыми примерами.

В далеком православном прошлом у Айя Софии уже появились «младшие сестры» в Новгороде и Пскове, а теперь они должны были создать ее мусульманское подобие, да еще в современном видении – похоже, под очарование знаменитого собора попала не только Анна, Айя Софии не оставлял равнодушным никого. На протяжении полутора тысяч лет он поражал воображение людей своей мощной красотой, своей величавой грандиозностью.

Собор Святой Софии пережил несколько землетрясений; в разное время на его фасадах воздвигали опорные стены чуждых форм, причем вовсе не ради красоты, а исключительно для поддержки конструкции; и, наконец, перевоплотившись в мечеть, он обзавелся четырьмя высокими минаретами. Кроме того, за долгую жизнь собор многократно реконструировали по самым разным причинам. Таким образом, если вспомнить историю, станет ясно, что бесполезно даже пытаться создать его копию где бы то ни было. Однако можно попробовать создать что-то новое и по-своему грандиозное, вдохновившись его видом. Подумав об этом, Анна

занервничала: ее пугала такая огромная ответственность перед историей и общественным мнением.

Обеденный перерыв Анна решила провести в своем любимом ресторанчике за мечетью Тешвикие.

Погода была отвратительной: с неба падали косые струи холодного дождя, подгоняемые не менее холодным ветром. Постоянно меняя направление, он проникал под одежду, леденил запястья и щиколотки. Идя по узкой улочке, она мокрыми руками попыталась прикрыть лицо, но капли все равно попадали внутрь капюшона и умудрились намочить даже волосы. Почти ничего не видя кругом, пробираясь к нужному месту скорее по памяти и на ощупь, она периодически натывалась на таких же бедолаг-прохожих, тоже пытавшихся хоть как-то защититься от всепроникающего дождя. Быстро извинившись, они следовали дальше, продолжая свой торопливый бег к неизвестным целям.

В России подобная погода зимой, в январе, удивила бы разве что жителей северных регионов, да и то неожиданным потеплением. Приученные к снежным буранам и длительным морозам люди какой-то дождик просто не заметили бы. Но жители Турции были изнежены постоянным теплом и осенью, которая длилась по шесть месяцев, сейчас старались пореже выходить на улицу, а если уж приходилось это делать, то закутывались в шарфы и надевали непромокаемые теплые сапоги, опасаясь простудиться.

Добравшись наконец до ресторанчика, Анна с облегчением открыла дверь. Помещение было совсем небольшим, но очень уютным, а главное – теплым. Хотя дождь загнал под крышу куда больше посетителей, чем обычно, в углу нашелся свободный маленький столик, где девушка устроилась вместе с компьютером. Попивая ароматный капучино, она принялась искать в Интернете русскоязычные сообщества Стамбула. Самое большое обнаружилось в фейсбуке; еще одно, поменьше, разместилось в вконтакте. Быстро разместив посты о желании познакомиться и обзавестись русскоговорящими подругами, чтобы вместе проводить время, она стала ждать ответа.

В это время входная дверь открылась и в ресторан зашла та самая парочка, которую она встретила в кафе рядом с офисом. Анна на миг растерялась, ей было трудно поверить в такое совпадение, но так же внутри нее очнулись: любопытство, радость и волнение. Молодой человек с необычной внешностью и его черноволосая подруга все так же весело смеялись, хотя довольно сильно промокли, потому что зонтиков у них не было. Они сели за освободившийся столик; девушка стянула с головы пропитавшуюся влагой шаль, которую официантка любезно забрала, чтобы где-то повесить. Волосы парня тоже были полны воды, и он непрерывно ерошил их руками в надежде поскорее высушить. Его болотного цвета пальто потемнело от дождя, но весь его вид был таким по-мальчишески жизнерадостным, что лицо казалось еще симпатичнее, чем в прошлую встречу.

Наконец устроившись, молодые люди начали о чем-то оживленно беседовать; Анна, скрывая лицо за экраном ноутбука, старательно пыталась уловить обрывки фраз и слов. У парня оказался приятный, не слишком низкий баритон, говорил он выразительно и эмоционально; к сожалению, по тому, что до нее доносилось, было не понять, что именно обсуждает парочка.

Она: «... Ну что я могу поделать, такая я...»

Он: «Знаешь, он мне нравился... необычным».

Она: «Тебе все нравятся... но влюбленность – это что-то новенькое».

Он (смеясь): «Возможно... просто... образ... настроение...»

После этих слов он долго что-то ей рассказывал, но, видимо, это было совсем личное, так как говорил он очень негромко.

Она: «Ха! Ты влюбился! Ты?! Влюбился?!»

Он: «Дэфне, замолчи!..»

Эти два последних восклицания услышали почти все посетители ресторанчика; многие стали оглядываться на них, улыбаясь, на что парочка засмеялась в ответ.

Тут раздался звонок мобильного, и парень, перед тем как ответить на вызов, сказал своей спутнице:

– О, это Кемаль-бей! Мне нужно идти. Что ж, пока! Увидимся.

Он нагнулся, чтобы обнять Дэфне и расцеловать в обе щеки.

– Давай, Эндер, беги! Не упusti свой шанс, – сказала она и полусхутя, полусерьезно его оттолкнула.

Парень махнул рукой и быстрыми шагами направился к выходу. Несмотря на крупное телосложение, передвигался молодой человек довольно легко. Его движения были быстрыми и красивыми, в них проглядывала уверенность и четкость, какую дают упорные и регулярные занятия спортом.

Проводив взглядом Эндера, Анна наконец обратила внимание на экран компьютера и увидела, что ей пришло сообщение от русской девушки Маши: она предлагала как-нибудь встретиться, познакомиться и прогуляться. Анна ответила; завязался диалог, и вскоре они, обменявшись телефонами, продолжили общаться уже через Ватсап.

Оказалось, что Маша в Стамбуле уже три года; она была замужем за турком, жила в довольно симпатичном районе Джахангир, занималась дизайном интерьеров и получала неплохие деньги, но, как и у Анны, с друзьями у нее не складывалось, так как работала она в основном удаленно, и она уже довольно давно пыталась с кем-нибудь познакомиться через Интернет.

В профиле Маши была размещена фотография высокой голубоглазой блондинки с крупными, но очень красивыми чертами лица. Родом новая знакомая была из Мурманска. Узнав

об этом, Анна сразу же спросила, сколько у них длится полярная ночь, и с удивлением узнала, что, оказывается, всего полтора месяца, а вовсе не полгода, как она почему-то считала.

«У нас не настолько северный город», – написала ей Маша и добавила смеющийся смайлик.

У них оказалось много общего – образование, интересы, круг общения, поэтому они решили встретиться уже в ближайшую субботу, чтобы прогуляться по набережной; а если будет плохая погода, то вместо прогулки можно посидеть в ресторане на Истикляль.

Вернувшись в офис, Анна застала профессора Ходжа за обеденным столом на кухне. Он мирно попивал турецкий кофе и задумчиво кивал – видимо, соглашаясь с какими-то своими мыслями. Рядом с ним лежал айфон последнего выпуска, синхронизированный со всей домашней и офисной техникой фирмы «Эппл».

«Контрастный архитектор, живущий в контрастном городе, – подумала девушка. – А кто же я?»

– О, моя прекрасная султанша, – отечески улыбнулся ей этот прекрасный человек, – очень рад тебя видеть! – Глаза его сияли.

– Вы очень добры, Ходжа. Как поживаете? – ответила Анна несколько хмуро.

– У меня все великолепно, а вот ты, кажется, где-то позабыла свое хорошее настроение, – засмеялся профессор, и в уголках его глаз заиграли веселые морщинки.

– Ну... Вы ведь наверняка уже знаете, что меня выбрали вашей помощницей для работы над арабской копией Айя Софии. – «Копия! Господи, как же раздражает это слово!» – подумала она про себя. – Простите, я думаю, что совершенно не подхожу для этой работы. У меня нет опыта проектирования зданий такого масштаба, и я никогда не принимала участие в создании собора, мечети или церкви. Боюсь, я не смогу взять на себя такую общественную, историческую и культурную ответственность. Да и Мерьем все еще нет.

– Да, ты не сможешь сделать копию Айя Софии, – согласился с ней Ходжа. – Но ты можешь спроектировать концепцию нового собора, основываясь на ее архитектурных особенностях. И ты не будешь моей помощницей, напротив, это я буду тебе помогать, консультировать, поддерживать, наставлять. А потом вернется Мерьем и продолжит нашу работу, только, я уверен, учитывая масштаб проекта, основная нагрузка в любом случае ляжет на тебя, так что будь к этому готова. Конечно, в офис могут взять на работу новых архитекторов, но вопрос в том, действительно ли ты этого хочешь?

Наклонив голову, Ходжа внимательно посмотрел на нее. Серьезные глаза словно нависли над его очками в старомодной круглой оправе, чудом державшимися на самом кончике носа. По бокам очков свисали две тонкие тесемочки – профессор всегда носил их с шейным шнурком, чтобы не потерялись.

Дождавшись, когда решительность вернется на лицо Анны, этот самый добрый и мудрый наставник из всех, что попадались ей на жизненном пути, ласково улыбнулся и продолжил:

– Я так и знал, что ты согласишься в конце концов. Это будет для тебя отличным опытом. Не волнуйся, у меня никогда не было плохих учеников.

Сказав это, Ходжа снова рассмеялся и сделал глоточек кофе из маленькой чашечки.

– Значит, вы попросили, чтобы я работала над этим проектом? – спросила Анна.

– Нет, но я думаю, это большая удача, что все так обернулось, – ответил профессор. – Итак, сегодня и завтра ты будешь изучать техническое задание и литературу, а оставшуюся часть недели посвятишь осмотру Айя Софии изнутри и снаружи – у тебя будет проводник, который откроет ее секреты, проведет во двор и все доступные внутренние помещения. А я тем временем начерчу для тебя подробные планы и эскизы. Это прекрасный проект, и я счастлив, что буду работать над ним вместе с тобой.

Вечером, дома, Анна вдруг вспомнила о той парочке, что уже дважды повстречала по воле случая в обеденный перерыв. Став невольным свидетелем их разговора, она теперь пыталась собрать воедино услышанные ею обрывки.

«Они не вместе, – подумала Анна, и почувствовала, как по груди растекается теплая волна, – но он в нее влюблен, судя по всему. – Это предположение вызвало неприятное чувство. – Впрочем, может, у него это несерьезно. – Эта мысль заставила ее сердце забиться от радости, и она тут же воскликнула про себя возмущенно: – Да какая разница, почему меня это вообще волнует?! Мы даже не знакомы!» – И поймала себя на том, что думает, как хорошо было бы с ним познакомиться, вот только как? Ведь просто взять и подойти неудобно...

– Уф! – фыркнула она вслух, посмотрела в зеркало на свое покрасневшее лицо, распаленное воображением, и решительно добавила про себя: – «Ну все, хватит! Надо думать о карьере, проекте, а не чужих людях, которые случайно оказались рядом. Мало ли кто приходит в кафе, чтобы посидеть и поговорить в спокойной обстановке».

Однако уже на следующий день, сидя в кафе рядом с офисом, она втайне надеялась увидеть знакомую парочку. Увы, но молодые люди так и не появились. Расстроившись и ругая себя за глупость, Анна встала из-за столика, твердо решив раз и навсегда выкинуть незнакомца из головы, потому что какое ей дело до красивого парня, который, возможно, только что встретил свою любовь и теперь добивается ее, водя по ресторанам?

Она представила, как они вместе гуляют по набережной, любясь морскими волнами и утоляя голод сэндвичами с рыбой. Парень что-то оживленно говорит, размахивая руками, а девушка в ответ застенчиво улыбается, строит ему глазки и прокручивает в голове матримонимальные планы.

Изучение Айя Софии оказалось увлекательнее, чем Анна себе представляла. Она путешествовала по истории собора с момента открытия его дверей перед христианами 27 декабря 537 года, замороженно рассматривая фотографии впервые примененной в строительстве формы сводов, образованных из четырех арок и купола, держащихся на четырех колоннах, а также мозаик, настенных росписей, колонн, привезенных из языческих античных храмов, прекрасных резных узоров на цветных камнях и золоте, и ей не терпелось поскорее попасть на экскурсию, чтобы вживую увидеть все это своими глазами, потрогать руками, ощутить весь этот многократно описанный восторг от непередаваемой мощи и грандиозности здания.

Наконец наступил назначенный день, и, теоретически подготовленная, в восемь утра Анна стояла перед Императорскими воротами Айя Софии. Истоптанная тысячами ног, кладка из камней разных цветов и размеров на полу отражала гладкой волнистой поверхностью слабое

теплое сияние люстр, низко свисавших с высоких потолков. Войдя в притвор, она вдохнула незнакомый запах древности и огляделась.

В течение девяти веков этими путями проходило огромное количество православных христиан, чтобы совершить молитвы и священные обряды за здоровье, счастье, родных и близких. Потом, в течение почти пяти сотен лет, здесь же проходили мусульмане, желавшие совершить намаз. И обо всем этом готов был поведать великий собор, бережно хранивший следы вмятин от колен людей, молившихся каждый своим богам, настенную роспись времен православия, михраб¹², указующий в сторону Мекки, диски с арабской вязью и вездесущий мусульманский орнамент.

– Доброе утро, – прозвучал незнакомый мужской голос совсем рядом. – Ты Анна?

Она обернулась и увидела высокого молодого мужчину лет тридцати, очень стройного – его телосложение больше всего ассоциировалось у нее со словом «аристократический». Его короткие темные волосы оттеняли довольно светлую кожу лица. Анна сочла бы его симпатичным, если бы не тяжелый взгляд и слишком узкие губы.

– Доброе утро, – ответила она. – Да, это я. А ты, вероятно, Синан?

– Все верно, – сдержанно улыбнулся мужчина. – По просьбе нашего общего друга, профессора Ходжа, я сегодня стану вашим спутником и проведу небольшую познавательную экскурсию. Прошу! – Синан слегка поклонился и сделал приглашающий жест рукой.

Вместе они вошли внутрь.

Главный зал оказался невероятно величественным; его интерьер был легким и богатым одновременно. Даже не верилось, что этот собор был свидетелем войн, нисшествия католиков, пережил разрушения и катаклизмы, которые повлекло за собой завоевание мусульманами Константинополя – так был назван Стамбул в далекие времена своего основания, когда он был столицей ныне исчезнувшей Римской империи.

– Удивительно, правда? – сказал Синан. – С тех пор, как этот храм множества религий стал музеем, прошло почти сто лет, а здесь все еще чувствуется аура бесчисленных молитв, возданных верующими в честь их религий.

Анна кивнула. Она думала о том, сколько людей успело за эти годы внимательно изучить каждый камень и фреску величественных стен, восхититься архитектурой Айя Софии и интерьерами. А еще она думала о том, что сегодня сможет проникнуть глубже, в ее потайные, скрытые сферы, чтобы прочувствовать этот уникальный дух, созданный десятками поколений, и воплотить его в современном амбициозном проекте.

– Ты ведь уже знаешь, что храм Святой Софии, или Мудрости Божьей, существует в течение полутора тысяч лет, и что несколько столетий он использовался в качестве мечети в Османскую эпоху. Если же учесть, что храм стал преемником существовавших на его месте церквей, то можно говорить уже о двух тысячелетиях. Прожив на этом свете больше тридцати лет, я с трудом представляю себе такой огромный период времени. За годы своего существования собор пережил множество трансформаций, вызванных как развитием мировой архитектуры, так и многочисленными войнами и природными катаклизмами, поэтому, как ты, наверное, уже

¹² *Молитвенная ниша в стене мечети, обращенной к Мекке.

заметила, едва оказавшись внутри Айя Софии, ощущаешь всю тяжесть невероятного возраста здания. Вот, например, видишь те две вмятины на мраморном полу по обе стороны императорского входа¹³?

– Да, – сказала Анна, потихоньку включая функцию записи на телефоне.

– Некоторые исследователи утверждают, что некогда на стенах там висели иконы, и вмятины остались от колен верующих, которые приходили им помолиться, однако более вероятно, что эти глубокие следы оставлены охраной императора, обутой в тяжелые военные сапоги. А вон там, – Синан жестом руки указал на пандус, сложенный из камня и ведущий к галерее, – образовались дорожки, протоптанные огромным количеством прихожан и посетителей: все они стремились подняться наверх, чтобы рассмотреть сказочно красивую мозаику с включениями золота, серебра и цветных камней. Я сам много раз туда поднимался, чтобы полнее почувствовать необыкновенную энергию собора. Ты знаешь, например, о легендах про тайные подземелья и ходы? Кое-кто до сих пор верит, что где-то в глубине скрыта огромная цистерна, полная воды.

А вот те верхние хоры, окружающие подкупольное пространство с трех сторон, во времена императора Юстиниана были светским местом и предназначались исключительно для женской половины дворца – не знаю, пригодится ли тебе эта информация для проектирования мечети, но лучше знать больше, чем меньше, правда?

Они вместе поднялись наверх и прошли к самому центру западной галереи, который находился напротив алтаря. Круг из зеленого мрамора на полу обозначал место, где некогда был установлен трон. Анна молчала, находясь во власти необычного волнения. Ощущение было похоже на смесь ликования и еще каких-то смутных чувств, которым она никак не могла подобрать определения. Заметив ее состояние, Синан улыбнулся.

– Анна, мы находимся внутри невероятной постройки, которая существует больше тысячелетия. За минувшие века множество людей несло сюда свое раскаяние, любовь, страх, горечь, надежды... Кроме того, тут похоронено множество величайших правителей. Земля под храмом и камень, из которого сложены его стены, впитали в себя такое огромное количество духовной энергии, что это способен почувствовать любой человек, приходящий сюда. Перед великолепием этого храма не смогли устоять величайшие завоеватели мира – сменяли друг друга империи и правительства, а он продолжал стоять.

В ряде исторических документов, дошедших до наших дней, говорится, что задолго до постройки Святой Софии на ее месте находился языческий храм Артемиды, а затем была воздвигнута христианская церковь с деревянной крышей, имевшая форму базилики. Она сгорела в 404 году во время восстания. Следующая церковь на этом месте была построена по приказу Феодосия II; она сгорела во время восстания при правлении Юстиниана I. Через сорок дней после этого пожара с целью украшения столицы и демонстрации мощи Римской империи Юстиниан I повелел построить на ее месте собор, которому не было бы равных во всем мире. Для постройки император скупил все близлежащие земли, велел снести на них все здания и нанял лучших архитекторов того времени: Исидора Милетского и Анфимию Тралльского. Кстати, пока мы здесь, может попросишь, чтобы они тебя благословили? – то ли в шутку, то ли всерьез предложил Синан, и тут же продолжил:

¹³ *Главный вход в собор.

– Собор возвели за пять лет; ежедневно десять тысяч человек принимали участие в его строительстве. Из провинций, находившихся под властью Юстиниана I, было доставлено двенадцать сортов мрамора: черный с белыми жилками – из района Босфора; зеленый – из города Каристос в Греции; цветной – из Фригии; порфир – из Египта; изумрудно-зеленый – из Спарты, желтый – из Ливии. Император также приказал использовать архитектурные элементы и декоративную облицовку, использовавшиеся в древних языческих и античных постройках. Колонны были привезены из Рима, Анатолии, Эфеса, Сирии и других стран. Во время строительства собора для нефов использовались колонны из храма Артемиды в Эфесе, а для поддержки купола взяли восемь колонн, привезенных из Египта.

Если забыть про минареты и подпорные стены, имеющие чисто техническую функцию и лишённые эстетики, первоначальный вид здания достаточно хорошо сохранился внутри и снаружи.

– Строительство было завершено в начале VI века нашей эры, и 27 декабря 537 года от Рождества Христова ворота Айя Софии впервые открылись для православных прихожан.

Существует легенда, согласно которой Юстиниану I во сне явился светозарный ангел, чтобы вручить план грандиозного храма, который должен был быть построен во имя объединения старой империи и воцарения на ее просторах единой веры; у Церкви нет доказательств, является она вымыслом или нет, но уже тот факт, что эта история бережно передается из уст в уста на протяжении полутора тысяч лет, достаточно красноречиво говорит о том, насколько дорог стал людям собор Святой Софии.

Кстати, он занимает важное место в истории твоей родины: именно в нем княгиня Ольга приняла православную веру.

– Да, я знаю. Снаружи находится купель, где ее крестили, и я несколько раз осматривала ее. Это было потрясающе – воочию увидеть исток религиозных традиций, сложившихся в православную культуру русского, а затем и российского общества. Между прочим, в Киеве, Новгороде и Пскове, крупнейших городах Древней Руси, были построены три собора в честь Святой Софии. Хочешь их как-нибудь увидеть? – спросила Анна.

– Очень, – ответил Синан, и добавил чуть лукаво: – Надеюсь, ты сможешь провести для меня экскурсию.

Услышав это, девушка засмеялась.

– Ну, могу же я немного помечтать, – улыбнулся он, пожимая плечами. – Хорошо. Теперь твоя очередь. Расскажи мне все, что ты знаешь об Айя Софии: мне интересно понять, какой ее видят обычные люди.

– Я по специальности архитектор, – мягко напомнила Анна, – это может повлиять на чистоту эксперимента.

– Ничего страшного. Так даже лучше, – заверил ее Синан.

– Ладно. Каждый раз, как я вхожу в Айя Софию через притвор императорских врат, меня поражает не только красота, но также ощущение воздуха и света, который заполняет внутреннее пространство. Я читала, что еще в те времена, когда собор был православным храмом, для

его освещения использовалось около ста светильников. Очень жаль, что до нашего времени они не сохранились, но каждый раз, входя сюда, я представляю, как прихожане шли под арками, возвышавшимися над колоннами, и любовались огромным атриумом, усеянным свисающими с купола светильниками, словно звездами.

Еще я читала, что после захвата Константинополя Мехмет Завоеватель был настолько потрясен красотой собора, что велел не разрушать его, а переделать в мечеть, но поскольку в мусульманской религии запрещены рисунки всего живого, стены были покрыты штукатуркой, которая не только скрыла настенную роспись, мозаику и фрески, но также помогла сохранить их до наших дней.

– Все верно, – сказал Синан. – Впоследствии в собор вернулась значительная часть христианских реликвий, но на куполе вместо изображения лика Христа по-прежнему красуется арабская вязь, содержащая суры из Корана. Разнообразие во всем – еще одна отличительная черта Айя Софии. Смотри, в ее интерьере сочетаются объекты различной формы, цветов и размеров. То же самое касается материалов и строительных конструкций, а также резьбы и лепнины. Даже способы кладки отличаются.

Причем это разнообразие было привнесено не только в то время, когда собор принадлежал мусульманам. Вот, например, восемь знаменитых порфировых колонн были привезены во время строительства из аврелианского Храма Солнца в Риме по приказу Юстиниана I, а восемь колонн из зеленого мрамора – из Эфеса.

Кивнув, Анна восхищенно погладила холодную поверхность и почувствовала, как что-то мягкое и теплое коснулось ее левой ноги. Посмотрев вниз, она увидела пушистого полосатого кота, который с важным видом направился к центру главного зала. Заметив ее взгляд, Синан засмеялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.